

Татьяна Савина

Три печки

Фролы

Он — Пётр Фролович, она — Анна Фроловна, но звали их только по отчеству — Фролович и Фроловна. Это когда обращались. А так говорили: пойдю к Фролам, у Фролов яблоки нынче хороши...

Яблочек и правда уродилось в тот год море. Весь сад был усыпан падалицей. Старики не успевали подбирать плоды, многие подгнивали. Но мама наказала нам строго-настрога: чтоб ни одного яблочка брать не смели! И не просите у хозяев. Ждите, когда угостят: вон их какая прорва! Но старики почему-то яблочек не предлагали. Раз-два в неделю Фролович или Фроловна собирали падалицу в большую корзину, вываливали в деревянное корыто, секли лопатой и отдавали свиньям или корове. Они не были жадными, просто не догадывались, что нам, детворе, и незрелых, кислых яблочек очень хотелось. Мы жили у Фролов на квартире. В их старом небольшом доме в две комнаты, с холодным коридором, нас размещалось шестеро: родители и четверо детей — два брата и сестры. Конечно, позвольте нам яблочек упавшие подбирать — скотине ничего не останется. Через день мама покупала у Фролов трёхлитровую банку молока. Чаще брала в долг, рассчитываясь в конце месяца. Работала мама на птицефабрике, на фасовке яиц, почти каждый день приносила дешёвый бой. Тем и жили: молоко, яичница, оладьи. Мешок муки уходил быстро. А Фроловна пекла пшённые оладушки из толчёного пшена, всегда приносила и нам тарелку. Мама в ответ тоже чем-нибудь угощала хозяев.

У Фролов было два сына. Старший сидел в тюрьме. Взрослые говорили, «за девчонку, которая сама с ним пошла». Младший служил в армии. Хозяйство у них было большое: корова с телёнком, три кабана, овец с пятаком, утки, куры. Фролыч ещё работал, хотя, как и жена, был пенсионером. Кем-то служил на железнодорожной станции, ходил в форменном кителе, фуражке или шапке. А брюки и обувь почему-то были «гражданские», мне запомнилось это, потому что мама отдала ему двое отцовских брюк, и Фроловна приходила к нам подбить укороченные штанины на швейной машине. Старик был непьющим, малоразговорчивым,

но много читающим и, как мне казалось, несколько стеснялся своей простоватой супруги. Фроловна всю жизнь трудилась в колхозе, «в полях», как она выражалась, имея в виду полеводческую бригаду. За домом у них тоже было «поле» — восемь соток картошки. Больше ничего не сажали. Все остальные овощи Фроловна регулярно получала от своих бывших товаров в обмен на молоко.

Ходила она неделями в одной и той же одежде, с неизменным тёмно-синим фартуком поверх платья или юбки. Он вообще никогда не менялся, да и стирался, похоже, редко. Купленное молоко мама всегда тщательно процеживала через марлю. Но марля на удивление оставалась чистой. Корову наша хозяйка любила больше всех из своей живности, баловала её арбузными корками, разговаривала ласково, холила, словом. Кроме подойника, у неё было особое ведро, из которого обмывалось вымя. И тряпки для Зоряны менялись каждый день. Тогда как Фролыч, любивший по утрам пофыркать и побрызгаться у рукомойника во дворе, зачастую кричал в распахнутое окно:

— Полотенце свежее дай, сколь тебе говорить!

— Не настачивайся на тебя, — огрызалась Фроловна. — Ишь намывается, будто пахал всю ночь. Я тебе не прачка — утиральники каждый день менять, придумал моду!

Но свежее полотенце всё же подавалось, и три-четыре утра перебранок не было слышно. Зато вечерние повторялись изо дня в день.

Фраза: «Обождёшь, ещё скотина не кормлена!» — стала для нашей семьи крылатой. И много лет спустя, когда мы жили уже в своём, выстроенном огромными трудами, доме, мать, встречая отца с работы и накрывая на стол, смеясь и копируя интонацией Фроловну, повторяла:

— Обождёшь, ещё скотина не кормлена!

Отец ужинал и только потом шёл во двор управляться — подбавлял корма свиньям, закрывал уток в сарайчике, запирали курятник, спускал на большую цепь Бурана...

Родители часто вспоминали Фролов, даже когда уехали из тех мест. Жили старики в общем-то ладно. Почему-то запомнилось мне пасхальное застолье на окраине кладбища, в редком лесочке. Фролы взяли нас с собой — родителей и меня.

Своих могил у нас, приезжих, там не было. Пасха выдалась поздней, и я весело бегала по подсохшей земле, радуясь свежей зелени и первым цветочкам. Взрослые сидели на сухих брёвнышках вокруг скатерти-самобранки с разложенной снедью, выпивали, разговаривали. И вдруг Фроловна заголосила. Сначала я испугалась, а потом стала вслушиваться в плач-сказание и узнала всю историю её жизни.

— Это она по первому мужу кричит, — шепнула матери кума Фроловны.

Я увидела, как мама бросила быстрый взгляд на Фролыча. Каково нынешнему мужу слушать причитания жены по первому любимому? Старик курил, но как-то сосредоточившись, с особым вниманием к примятой пальцами «беломорине».

— Ну будет уже, будет, Нюра, — успокаивала Фроловну кума. — Давай помянем твою Григория, хороший мужик был.

Фролыч разлил вино по гранёным стаканчикам. Все выпили. И вскоре начали собираться.

Дома мать пересказывала отцу услышанное от кумы Фроловны. Первый муж Нюры утонул, а она была беременной Лёнкой, что сейчас в тюрьме. Фролыч по соседству жил, молодой, неженатый, посватался к Нюре и родившегося ребёнка уже на себя записал. Лёнка у них, говорят, красавец, в отца. А Витька, тот, что в армии, в Фроловну вышел, не даже симпатичный. Сам Фролыч был очень даже ничего, к тому же аккуратист большой.

Поначалу мои родители переписывались с Фролами, потом стали обмениваться только открытками к годовщине Октября, Новому году и Маю. Со временем и эта ниточка оборвалась. О смерти Фролов мы узнали года через три, как их не стало. Умерли они в один день. Их так и нашли на постели рядышком, голова к голове, — угорели во сне. Видно, рано заслонку в печи закрыли.

Отец мой вспомнил:

— А ведь Фролыч как-то обмолвился: по нему Нюра кричать не будет, как по первому-то мужу... Так и вышло. Не вздохнула даже.

Отрок Андрей

Далёкий северный монастырь. Как трудница, я попала в архондарик. Миряне называют его кафе для паломников. В мои обязанности входит уборка столов, доставка грязной посуды на мойку, накрытие столов для групп паломников и мытьё полов в конце рабочего дня.

Здесь не готовят, а только разогревают пищу в специальных печах. Тяжёлые кастрюли с первыми блодами из монастырской кухни приносят мужчины-трудники, ну а за чем полегче посылают меня. Так несколько раз в день бегаю то за сырниками, то за голубцами, то за котлетами рыбными — это всё мороженое, приношу в пакетах. В судаках и специальных формах — разные запеканки и фирменные монастырские блюда, что подороже. Раз есть кафе,

то должен быть и выбор блюд, и доход. Из пекарни доставляю подносы с выпечкой, штук семь за день, и все разные — булочки с черникой, брусничкой и прочими аппетитными начинками. Несёшь такой благоухающий поднос, и встречные люди расступаются, улыбаясь. Вы заметили, что запах горячего хлеба, выпечки делает нас добрее? У меня такие сеансы «ароматерапии» были каждый день.

В кафе, по сменам, трудятся четыре наёмных работника — две раздатчицы и две посудомойщицы. Они меняются каждые два дня. Мне нравится смена с Валентиной и Ольгой. Валентина — раздатчица, она подогревает еду, накладывает порции, получает деньги. Ей помогает внук Андрей одиннадцати лет. Приезжает к бабушке из Питера, самостоятельно, несколько часов на автобусе.

Раз Валентине понадобилось отлучиться, в кафе как раз затишье было, и она попросила меня помочь Андрею, если народ хлынет. Только ушла, а у нас уже очередь. Красивый отрок Андрей приосанился и начальственным голосом приказал мне:

— Таня, становись на раздачу и подавай быстро, без задержки!

— Слушаюсь, шеф, — подыграла я пацану, вызвав улыбки паломников.

Мы заработали споро: Андрей принимал заказы, считал деньги, я наливала борщи, накладывала второе, подавала. Очередь благополучно растаяла. Снова передышка, мальчик вышел позвонить. В зал выглянула Ольга — я не успевала относить ей грязную посуду. Увидев меня на раздаче, она сухо заметила: не занимайся не своим делом, пусть сами справляются.

— Да Валентина попросила помочь мальчишке, — оправдывалась я.

— Убери со столов и можешь уйти минут на сорок. Сама помогу Андрею, если потребуется.

Народ разошёлся; наведя порядок в зале, поспешила в келью — успею простирнуть немного и передохнуть.

Вернувшись, застала Валентину на рабочем месте, и она сразу послала меня за хлебом. Вид у неё был суровый.

А в хлебной лавке, куда поступает хлеб из пекарни — для нас и свободной продажи паломникам, на меня напустился Андрей.

— Ты куда это подевалась, Таня? — строго спросил он. — Ты знаешь, сколько людей ещё пришло! А я — один. Тебя нет. Ты почему ушла без разрешения?

Обращение по имени и на «ты» уже не только резало слух, а давило на всё моё самолюбие. Но дать отпор мальчику не посмела, да и Ольгу, отпустившую меня, не хотелось подводить. Кое-как, отдалённым намёком, всё-таки дала понять пацанёнку, что старше его ровно на пятьдесят лет.

Объясниться с Валентиной времени не было — прибыло три автобуса паломников, потом

пожаловали ещё гости — монахини из какого-то далёкого монастыря, и мы снова накрывали столы в уже убранном после закрытия архондарике. Валентина часто звонила по телефону, и я понимала, что она не на меня сердита, а расстроена из-за матери — та лежала в больнице после операции, и ей становилось всё хуже. А у меня из головы не выходил Андрей. Ну как сказать Валентине, что не полезно её внуку помогать ей здесь, что, по-мирски говоря, «крышу» у пацана сносит — так упивается он своей якобы взрослостью, властью над людьми, гордыня буквально распирает его? Но как подступиться к такому разговору, не знала. Мальчик был симпатичен мне, не хотелось, чтобы работа в монастыре приносила вред его юной душе. А тут прабабушке Андрея стало совсем плохо, к Валентине на работу нагрянули родственники, все вместе они пошли на молебен. Мальчишка потом ещё и сам читал акафист во дворе, молился. Видела его из окна.

— Он молиться ещё маленьким стал, — первой заговорила Валентина. — Никто его не учил. Я заболела сильно, так он меня вымолил у Бога. Пришёл сам к матушке Агафье и говорит: дайте мне какую-нибудь работу для монастыря, хочу, чтоб бабушка моя жила. Какую работу ребёнку дать? Ему шесть лет всего! Матушка Агафья нашлась: «Клевер знаешь?» — «Знаю». — «Вот тебе мешок, иди собирай». Так он каждый день по мешку клевера набирал! Поднять не мог, волоком в монастырь тащил. Вымолил меня у Господа, — Валентина помолчала и, вытерев слёзы, добавила: — А я вот свою мамочку отмолить не могу. Нет у меня такой силы, как у Андрюшки.

На следующий день я уезжала. Ранним утром встретила Валентину, она провожала внука и дочь. Мы проехали полпути примерно, была какая-то остановка. Купила себе ржаную лепёшку с мудрёным карельским названием; начинённая рисом, оказалась она вкусной. Завтракала с аппетитом в автобусе, глядя в окно. Андрей и его мама сидели на брёвнышке-скамейке под берёзами. Женщина торопливо и нервно курила, мальчик плакал. Они ехали в Питер, куда вчера на вертолёте увезли прабабушку Андрея.

Видно, вторая операция не помогла, подумала я. — Умерла бабушка Клава, — сказала мне мама Андрея, проходя на своё место в салоне.

Выразила им соболезнование и всю оставшуюся дорогу думала об этой семье. От Валентины знала, что месяц назад от инфаркта умер её зять, отец Андрюшки, что они были очень дружны, жили благополучно...

И вдруг мир, состоявший из любимых людей, стал рушиться на глазах у ребёнка. А он ведь и виду не подавал, до вчерашней его одинокой молитвы и сегодняшних слёз. Всё-таки нельзя судить о людях по первому впечатлению или какому-то эпизоду. Жизнь гораздо сложнее, и в душе

человеческой тоже столько всего, что и не разобратся порой... Один Господь всё видит правильно, потому только Он и может судить человека. А наше дело — оставаться людьми. В любой час и на любом месте.

Три печки

Плясать от печки... Есть такое выражение в русском языке. Не справлялась со словарём, но понимаю его так: идти от основы, от самого главного. Что было главным в жилище наших недалгих предков? Печка в избе, она и кормила, и согревала, и от хворей лечила.

Октябрьским холодным днём переменчивой осени случились в моей жизни сразу три печки. За первой я провела ночь — из предложенных трёх кроватей в гостевой келье выбрала ту, что стояла за печкой. Было это в Свято-Троицком женском монастыре близ Пятигорска. Республика уже соседняя — Кабарда, но от нашего города-курорта всего-то километров тридцать. В обитель эту можно поехать на послушание, потрудиться во славу Божию, помочь живущим здесь четырём монахиням почтенного возраста... Соседняя келья «ателье» называется. Почему? Когда обустроивался монастырь, шились здесь занавески для окон, церковное убранство, фартики для трудников и прочее. Печка в гостевой келье на русскую похожа, но лежанки в ней нет, а только выступ широкий — наверное, чтобы обувь сушить. Не знаю, топят ли её зимой дровами, везде уже батареи, а внизу, на первом этаже, — газовый котёл. В тот день котёл как раз меняли, в помещениях было холодно, но за печкой всё же как-то уютней спалось. Да и матушки не поскупились на одеяла.

Конечно, вспомнились мне бабушкина русская печка с просторной лежанкой, тётушкина голландка, так и заснулось.

А на следующий день в трапезной, где мы делали заготовки на зиму — кто чеснок чистил, кто морковь тёр, кто перец нарезал, — зашёл разговор как раз о печках. И у каждого вспомнилась своя, заветная. Матушка Ольга рассказала, как однажды пришла в школу по уши мокрая — все лужи поздним ноябрём перемерила, наметившийся ледок проверяла. Замёрзла — полбеда, вечером ожидала её порка. Пришла в школу, уборщица ахнула, живо сняла с девушки сырую одежду, обрядила во что-то своё, сама до класса довела, за парту усадила. К концу занятий у школьной печки обсушились и ботинки, и пальто, и штаны от лыжного костюма — дома ничего не узнали об утренних подвигах ученицы.

Удивившись былой бедовости степенной матушки Ольги, мы поговорили о том, что, мол, в наше время никто бы не побеспокоился о чужом ребёнке — заболела бы и дома сполна получила.

Тем же вечером я возвращалась домой. Случилась оказия — после обеда приехала в монастырь машина с гуманитарной помощью для многодетной семьи, которую опекает обитель. Была я второй пассажиркой, ехала с комфортом, да ещё слушала рассказ пятигорчанки Галины. Она летом участвовала в Великорещком крестном ходе, делилась впечатлениями, которых было море, и все восторженные. Поразило её, как истово, на коленях, молились поутру у своего автобуса паломники из-под Львова; какие чудные песнопения пели сербы; как удивительно тёплой в прохладный-то день показалась всем вода в речке; и главное, как встречали крестоходцев в деревнях вятской глубинки — люди стояли вдоль дороги с подносами снеди, и каждый просил: возьмите у меня... На обратном пути пятый день крестного хода выдался очень тяжёлым — холодный дождь исхлестал всех до нитки, не спасли ни зонты, ни плащи. Галина с огромным трудом добрела до очередной деревеньки. У крайнего дома увидела хозяйку с блюдом дымящихся булочек. «А можно мне вместо булочки в доме погреться?» — робко

спросила она (на ночлег их группа располагалась в своём автобусе, ехало из Пятигорска, кстати, пятьдесят человек). Женщина пригласила в дом, Галина и землячек ещё прихватила. А там весь стол был уставлен пирогами! В русской печи выпеченными. Не слушая про начинки, Галина вмиг сбросила с себя всё мокрое и с разрешения хозяйки забралась на полати. И уснула мертвецким сном. А утром первой мыслью было: что с моими вещами?! Ведь мокрое всё! Глядь — а они на верёвке висят, сухие да тёплые. Прощаясь, выпросила адрес. Да потеряла в дороге. И дома навзрыд плакала, что не может отблагодарить свою спасительницу — с её-то тяготой к простудам после той чудной ночи на русской печи не чихнула даже. Выручили сын да муж: один идею подал, другой в интернете нашёл. Отправила посылку в Вятскую губернию с грецкими орехами.

Выходит, пока живы где-то русские печки, живы не только рецепты вкусных пирогов, живы не только древние обычаи принимать странников — и с особым почётом крестоходцев. Жива сама русская душа — сердобольная, открытая, добрая.